

18+

Мая Феномен
**МНЕ ДОСТАЛАСЬ
ТВОЯ ВЕСНА**

Тая Феномен

Мне досталась твоя весна

«Издательские решения»

Феномен Т.

Мне досталась твоя весна / Т. Феномен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696600-0

Что делать, если кошмары — это не плод воображения, а репортаж с места собственной гибели в прошлой жизни? В книгу «Мне досталась твоя весна» вошла часть рассказа, ранее опубликованная в книге «Хроника одного дара». Однако в настоящем издании он представлен в переработанном и дополненном автором виде.

ISBN 978-5-00-696600-0

© Феномен Т.
© Издательские решения

Содержание

Я САМА К СЕБЕ ПРИДУ	6
Глава 1. Две бездны	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мне досталась твоя весна

Тая Феномен

Корректор Роман Дювуа

Иллюстратор Тая Феномен

Редактор Жессиане да Консейсау Новикова Фрейре Шавиер

© Тая Феномен, 2026

© Тая Феномен, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-6600-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я САМА К СЕБЕ ПРИДУ

С тех пор она носит внутри эту зиму...
Не снег – а бескрайний, молчащий укор.
Две бездны сошлись в ней в единый и вечный
И крайне безжалостный приговор.

Душа, как стекло, от удара разбилась,
И вышло наружу всё естество...
Не плачь, дорогая, не стоит, не нужно,
Я знаю, как страшно не ждать ничего.

Я знаю, как жизнь отступает беззвучно,
Душа тихо пеплом кружит на ветру...
Я помню, как больно и как это тяжело —
Быть тенью в холодном и чёрном аду.

И в этом порыве, сквозь время и тени,
Кричу своё имя в глухой пустоте.
Коль мир отвернулся – я буду с тобою,
Я буду опорой тебе в темноте.

Пусть небо ослепло, и вьюга заносит,
И нет никого в этом снежном плену...
И если никто не придет, не поможет —
Ты слышишь меня?! Я ПРИДУ И СПАСУ!

Глава 1. Две бездны

В моей жизни всегда было на одного человека больше, чем видели окружающие. Где-то глубоко, на самом краю сознания, казалось, уже целую вечность балансировал один странный образ девочки без лица. Ни имени, ни черт – только парализующий холод и бесконечное чувство обречённости.

Призрак возвращался во снах, мелькал в случайных видениях, просто появлялся перед важными событиями. Между нами, будто действовал молчаливый договор: девочка не пугает,

а я делаю вид, что не замечаю её. Присутствие незнакомки давно стало привычным, невидимым для других фоном. Казалось, этого достаточно, чтобы просто научиться жить с этим дальше...

Во всяком случае, до этого дня всё ещё выглядело именно так.

В кабинете маникюра пахло свежим кофе и лаком, мерно жужжала фреза, а за окном лениво тек день. Мы со знакомой болтали о чем-то женском, легком, перескакивая с темы на тему, пока разговор не забрел в туманные дебри детства.

– А чего ты в детстве боялась больше всего? – невзначай спросила Юля, аккуратно полируя мои ногти.

Я успела только подумать, и в этот момент внутри меня будто выбили чеку. Мирная тишина кабинета в мгновение ока разлетелась вдребезги. И уже вместо жужжания прибора в ушах – рев ледяного ветра, а запах ацетона вытеснил удушливый, липкий страх, который я пыталась забыть десятилетиями.

Из самой глубины, как запекшаяся кровь из потревоженной раны, наружу хлынул единственный день.

Февраль 1981 года. Четвертый класс. Самая худая и маленькая девочка в классе – это я. В памяти всплыла школа в трех километрах от дома. Окна вестибюля, затянутые мертвенно-бледной пеленой, и бешеная метель, которая за час превратила мир в непроницаемую белую стену. Я снова испытала то же чувство голода – злого, сверлящего желудок и унижительного. (Мама почти никогда не давала денег на обед). И щемящее чувство полной безысходности.

Всех местных детей родители еще в обед смогли забрать домой, а за нами автобус приехать не смог. В школе осталось несколько учеников – с первого по пятый класс – и старый хромо́й сторож. Мы коротали время с дядей Ваней в пустом гулком здании, где еще совсем недавно звенели детские голоса и кипела жизнь. В какой-то момент свет мигнул и окончательно погас – наверное, метель где-то оборвала провода.

Серые сумерки мгновенно затопили школьные коридоры, превращая углы в глубокие черные провалы. Вскоре из темноты выплыл дядя Ваня с зажженной керосиновой лампой. Он поставил её на пол в центре вестибюля, и дрожащий желтый огонек едва разгонял мглу, выхватывая из пустоты наши бледные, испуганные лица.

Малыши-первоклашки сначала плакали, звали мам, их тонкие голоса дрожали в пустых коридорах. Затем детский страх потихоньку сменился оцепенением. Все притихли. Одна девочка, совсем кроха, устав стоять, свернувшись калачиком прямо на ледяном полу, подстелив пальтишко. Остальные устроились, как смогли: одни сидели на корточках, прижавшись к остывающей батарее, другие на подоконнике молча дышали на иней на стеклах.

Но каждый раз, когда в глубине коридора раздавались шаркающие шаги сторожа, дети вскакивали. Вглядывались в темноту с надеждой услышать хоть какую-то новость, но дядя Ваня только безнадежно качал головой – и все снова отправлялись по своим местам и замирали.

Время тянулось бесконечно. Семь, восемь, девять вечера... Маленькая кучка брошенных уставших детей вжималась лицами в ледяные стекла, до боли в глазах высматривая фары. И вдруг сквозь свист ветра пробился другой звук – тяжелый, надрывный рокот. Трактор! Он шел, пробивая дорогу, а за ним, как призрак в ночи, едва маячил автобус.

В этот миг дядю Ваню словно подменили. В пожилом мужчине внезапно проснулся тот самый командир, который когда-то, много лет назад, выводил партизанский отряд из-под огня. Движения стали резкими, по-военному точными. Грубые пальцы быстро застегивали на детворе пуговицы пальто, туго перетягивали шарфы.

– Быстрее! – раздавал он команды. – Держитесь друг за другом! Не отставать!

Дети несмело шагнули в ревущую темень и двинулись след в след за хромающей фигурой. Вокруг ничего не было видно – лишь перед глазами маячил затылок впереди идущего ученика и долетало настойчивое: «Не отставать! Быстрее!»

Нас быстро грузят в старый, промерзший насквозь железный ПАЗ и медленно везут сквозь мглу. Ядовитой змеей в голову вползает мысль: ситуация до боли знакомая. Эффект дежавю. Как будто что-то подобное, такое же страшное, уже когда-то было в моей жизни. И от этих мыслей сразу подступает тошнота и становится трудно дышать, детское сердечко бьется, как птица, пойманная в силки.

Поездка сквозь метель похожа на нескончаемый кошмар. Автобус кидало из стороны в сторону, он сбивался с колеи, беспомощно буксовал, потом снова медленно продолжал свой мучительный путь. Темно, холодно и невыносимо страшно. Я сидела, вцепившись в портфель, еле сдерживая рвотные позывы, и молилась только об одном – скорее оказаться дома и согреться.

Автобус наконец-то дотащился до места и остановился. Фары осветили кучку родителей, жавшихся под зданием деревенского магазина, и погасли. Дети немного повеселели и поспешили к родным. В темноте мелькали силуэты отцов, заботливо укутывавших своих чад в теплые шали, слышались обеспокоенные голоса матерей.

За мной единственной не пришел никто.

НИ-К-ТО

Еще какое-то время был слышен затихающий звук удаляющегося автобуса и голоса людей, но и их постепенно заглушила ревущая метель. А я стояла – одинокая и брошенная в снежной каше и крошечной темноте – и не понимала, как выбраться из этого холодного ада. Помню, как шла и плакала от первобытного страха, пробираясь сквозь бесконечные сугробы. Ледяные иглы ветра нещадно секли лицо, а внутри вызревало страшное, совсем не детское понимание: я никому не нужна.

И тут же, как молния, вспышка в голове: «И в этот раз не нужна. Снова никто не пришел спасать». Сердце сжала невыносимая печаль – всё опять повторяется. Почему снова? Что именно повторяется? Тогда разумного объяснения не находилось. Просто четкое, безжалостное знание: это уже было. Откуда появились такие мысли у десятилетней девочки – неясно, но, кажется, именно в ту ночь в детском сердечке навсегда поселилась боль.

Похожая на обледеневший снежный ком, я едва дотащила онемевшее тело до крыльца родного дома. Руки – чужие, неживые ледяные крючья – отказывались слушаться. Судорожно царапала ими дверь, стучала костяшками, но звук выходил слабым, тонушим в реве метели.

И когда тишина внутри дома стала невыносимой, когда рухнула последняя надежда на тепло, наружу вырвался не крик – жуткий, животный вопль. Страх, перешедший в безумие, вылился в иступленную истерику.

Вжавшись лопатками в глухую преграду, отделявшую от спасения, я захлебывалась слезами и ледяным воздухом, с остервенением молотила ногами по дереву. Била не в дверь, а в равнодушную пустоту, которая не хотела меня замечать. Это было нечто безумное: удар, еще удар, и крик, переходящий в хрип. В тот момент шла борьба не за вход в отчужденную обитель, а за право ребенка существовать и быть услышанной в этом безжалостном белом мире.

Дверь отворилась. Недовольный голос матери, сухой и будничной, произнес единственное слово:

– Явилась?

Словно у этой взрослой сволочи был главный жизненный закон: ни любви, ни тоски, ни жалости. И к смертельному холоду снаружи и в моей душе мгновенно прибавился пугающий холод собственного дома. Замерзшему, полуживому ребенку, только что блуждавшему во тьме, не задали ни одного вопроса. Ни единого слова тепла. Никто не кинулся обнимать, жалеть или

хотя бы накормить. В абсолютной, звенящей тишине я прошла в детскую, где уже крепко спал старший брат. Без сил рухнула на кровать прямо в мокром пальто и забылась тяжелым сном...

Рассказывая эту историю Юле, вдруг пришло осознание, что не просто вспоминаю, а проживаю каждый миг прошлого заново. Прямо здесь, в кабинете, под растерянным взглядом мастера я рыдала в голос, размазывая слезы по лицу. Было так пронзительно и до крика жалко ту маленькую, беззащитную девочку, брошенную в метели.

Но я тогда даже не подозревала, что этот случайный вопрос не просто разбередит старую рану, но и выбьет дверь в бездну прошлого, нанеся сокрушающий удар по моей реальности...

Вернулась из салона опустошенная. Весь вечер бил внутренний озноб, и не могла никак согреться. Перед глазами все еще стояла метель восемьдесят первого года, сугробы и невыносимое равнодушие матери. Не спасали ни горячий чай, ни теплый плед.

Не зажигая свет, сидела в кресле у камина, обхватив плечи руками, и пыталась понять: почему же мне так больно? Почему одно только воспоминание о поездке в автобусе отзывается в горле резким, химическим привкусом, от которого выворачивает наизнанку?

Эмоции были настолько оголены, что реальность начала двоиться. Она стала тяжелой, душной, будто из комнаты в одно мгновение выкачали весь воздух. Я зажмурилась – и провалилась в черную бездну. Забытый детский страх пробил брешь в пространстве и времени, и в эту брешь хлынула чужая страшная жизнь.

В ушах зазвучал до боли знакомый стук. Ритмичный и безнадежный.

Стук-стук-стук.

Реальность окончательно разорвалась в клочья, и вот перед глазами уже не зима восемьдесят первого, а серый дождь и страшный зев черного фургона. В железной утробе – люди, превращенные в общую массу страха, и среди них – девочка, чей безликий силуэт преследовал меня всю жизнь. Сейчас, в этом лихорадочном видении, безошибочно узнаю её по дикому трепету измученного сердца. Ощущаю всеми фибрами души детский ужас от происходящего как собственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.